

Фредерик Марриет

Сто лет назад

Фредерик Марриет
Сто лет назад

«Public Domain»

1846

Марриет Ф.

Сто лет назад / Ф. Марриет — «Public Domain», 1846

«Милостивая Государыня! Согласно высказанному вами желанию, я выписал здесь для вас из дневника моей ранней молодости некоторые из моих приключений; такими приключениями в ту пору была весьма богата жизнь моряков. Когда я писал свой дневник, то передавал и изображал в нем без утайки все, что испытывал и что чувствовал тогда, и на этот раз не изменил ничего, так как знал, что вам любопытно было узнать, что я чувствовал тогда, а совсем не то, что я об этом думаю теперь. Говорят, что жизнь каждого человека, какое бы скромное положение он ни занимал, представляет собою ценный вклад морали, если изобразить ее так, как она есть; надеюсь, что и в моей скромной повести и млад, и стар сумеют почерпнуть немало поучительного и полезного, если ей суждено стать когда-нибудь всеобщим достоянием...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фредерик Марриет

Сто лет назад

Глава I

Мы уходим в море. – Берем приз. – Продолжаем плавание. – Совершаем ночное нападение на усадьбу богатого плантатора. – Отступаем с значительным уроном.

Милостивая Государыня!

Согласно высказанному вами желанию, я выписал здесь для вас из дневника моей ранней молодости некоторые из моих приключений; такими приключениями в ту пору была весьма богата жизнь моряков. Когда я писал свой дневник, то передавал и изображал в нем без утайки все, что испытывал и что чувствовал тогда, и на этот раз не изменил ничего, так как знал, что вам любопытно было узнать, что я чувствовал тогда, а совсем не то, что я об этом думаю теперь. Говорят, что жизнь каждого человека, какое бы скромное положение он ни занимал, представляет собою ценный вклад морали, если изобразить ее так, как она есть; надеюсь, что и в моей скромной повести и млад, и стар сумеют почерпнуть немало поучительного и полезного, если ей суждено стать когда-нибудь всеобщим достоянием.

Без лишних слов перехожу к рассказу о плавании нашем на каперском судне «Ривендж»¹.

«Ривендж» только что вышел из гавани Испаньолы, неся четырнадцать орудий и находясь под командой капитана Витсералля, одного из выдающихся командиров-судовладельцев своего времени. Под утро, на рассвете, он увидел с марса какое-то судно и тотчас же погнался за ним. Подойдя ближе, мы убедились, что то было большое, сильно перегруженное судно, с водоизмещением в 600 тонн при двадцати четырех орудиях, шедшее из Сан-Доминго во Францию.

Оно было зафрахтовано одним французским дворянином, оказавшимся, как мы о том впоследствии узнали, весьма доблестным и благородным человеком, внушающим к себе уважение своим геройским поведением и неустрашимой отвагой. Нажив в Вест-Индии большое состояние, этот благородный француз возвращался теперь на родину, увозя на этом судне все свое имущество, жену и единственного сына-наследника, юношу лет 17 или 18. Как только он узнал, с кем имеет дело, и убедился в невозможности уйти от столь быстроходного судна, как «Ривендж», то решился биться с нами до последней крайности. Ему действительно было из-за чего биться; у него стояло на карте все его богатство, жена, сын, собственная его свобода и даже самая его жизнь, словом, все, что могло бы подвигнуть человека на самый отчаянный подвиг. Но как мы впоследствии узнали, ему было нелегко внушить такую же решимость и такое же мужество своему экипажу, и только когда он обещал выплатить им половину стоимости груза при условии, если им удастся отбить нападение и благополучно достигнуть берегов Франции, они согласились постоять за него и честно исполнить свой долг.

Увлеченные его примером, тронутые его словами, что он не требует ни от кого из них большого самоотвержения и стойкости, чем какие проявит он сам, а быть может, и движимые корыстью ввиду щедрого обещания, французы решили стеной стоять за него, весело побежали к орудиям и стали готовиться к бою. Когда мы подошли ближе, командир французского судна приказал убрать паруса и ласково упросил жену сойти вниз и ожидать там результатов сражения, от которого для нее должно было зависеть ее дальнейшее благополучие в жизни. Решительный образ действий французов заставил и нас со своей стороны готовиться к схватке, которая, судя по всему, обещала быть нешуточной. Хотя неприятель имел более орудий, чем

¹ «Отмщение»

мы, но зато мы были более приспособлены к военным действиям, менее нагружены, несравненно более быстроходны, и кроме того, у нас было гораздо больше людей. После нескольких одиночных выстрелов в то время, когда мы подходили к неприятелю, мы, наконец, став друг от друга на расстоянии не более одного кабельтова, стали обмениваться бортовым огнем в продолжение получаса, а затем наш капитан решил идти на abordage. Но когда мы попытались пересадить наших людей на неприятельское судно, то встретили такой отпор, какого и не ожидали. Французский командир, дравшийся впереди всех, собственноручно уложил двоих здоровеннейших из наших людей и смертельно ранил третьего. Следуя его примеру, его люди дрались так отчаянно, что мы вынуждены были поспешно отступить на свое судно, потеряв человек десять товарищей.

Наш капитан, не ходивший с нами на abordage, пришел в бешенство от нашей неудачи; он ругал нас трусами, малодушными бабами, позволившими прогнать себя с судна, на которое мы успели уже вступить, и призвал нас к вторичному abordage, став сам во главе отряда, и первый вступил на борт французского корабля. Командир-француз встретил его, и они сразу схватились грудь с грудью. Как ни был смел, отважен и ловок наш капитан Витсераль, но он на этот раз наскочил на достойного, быть может, даже более чем достойного, соперника; он был слегка ранен и, кажется, ранил француза; вероятно, плохо бы ему пришлось, если бы весь наш экипаж, который успел теперь перебраться на французское судно, не устремился вперед, как лавина, и не оторвал борющихся друг от друга силой своего натиска. Несмотря на громадный перевес численности наших людей, французы дрались отчаянно; однако, несмотря на их мужество и геройство их доблестного командира, нам все-таки удалось оттеснить их к квартердеку, где бой закипел с новой силой. Французы старались отстоять эту последнюю позицию, а мы добились всеми силами окончательной победы над ними. Французам некуда было больше отступать, и они дрались с бешенством отчаяния, тогда как наши, озлобленные их упорным сопротивлением, дрались с остервенением, сшибаясь в кучу, так как не было места, чтобы разойтись и сразиться, как следует. Сбившись в кучу, мы едва могли различать своих от врагов и падали вместе в одну общую груду, спотыкаясь на убитых и раненых, которых не успевали убирать.

Наконец мы осилили и одержали дорого стоившую нам победу; теперь мы были хозяевами на судне и подняли свой флаг. Изнемогая от утомления, мы рады были вздохнуть, наконец, свободно, полною грудью в отрадной уверенности, что теперь судно в наших руках, но оказалось иначе. Старший лейтенант и шестеро из наших людей сбегали вниз по лесенке, ведущей в кают-компанию, в расчете поживиться добычей, но здесь им преградил дорогу доблестный француз со своим юным сыном, капитан судна и пять человек французских матросов, оставшихся еще в живых. За ними находилась жена владельца судна; все эти люди решились пожертвовать своей жизнью для ее защиты. Наш лейтенант предложил им сдаться, но обезумевший от отчаяния и опьяненный кровью француз кинулся на лейтенанта и готов был пронзить его своим палахом, когда я выстрелил ему в голову, спасая жизнь своего офицера. Француз упал замертво; почти в тот же момент под ударом abordажного топора свалился и его сын. Тогда оставшиеся еще в живых французы сдались. Но наши люди до того озверели, что лейтенанту стоило громадного труда заставить их удержаться от возмутительного избиения этих несчастных, переставших уже защищаться.

Кто в состоянии описать, что испытывала в эти минуты несчастная женщина, бывшая свидетельницей этой страшной, кровавой сцены? На ее глазах убили мужа, а ее единственный сын утонул в крови на полу, и она оставалась совершенно одна, разом лишившись всего, что ей было дорого в жизни.

Утратив все богатства, которые она еще вчера считала своими, утратив мужа и, быть может, даже и сына, став бесприютной, неимущей и беззащитной вдовой, пленницей человека, не знающего ни жалости, ни чести, не признающего никаких законов, ни человеческих, ни божеских, руки которого были замараны кровью ни в чем не повинных людей, она предвидела

для себя все ужасы, грозящие прекрасной, благородной женщине, у которой нет защитника ее чести и красоты, и мне было вполне понятно, что в припадке отчаяния она кинулась на наши окровавленные мечи и палаши, ища смерти, которая одна могла избавить ее от всех ожидавших ее ужасов. Немало труда стоило нам помешать ей в этом, но напряженные до крайности нервы ее не выдержали и, лишившись сознания, она упала на тело своего мужа, пачкая свои светлые волосы и одежду. Как ни были наши молодцы привычны к виду кровавых сцен, разбоя и грабежа, но на этот раз и они остались неподвижны, опершись на свои мушкеты и глядя на прекрасную женщину, сраженную горем и отчаянием, распростертую на полу перед ними.

Теперь угар битвы прошел, страсти понемногу улеглись, и теперь нам становилось стыдно за эту победу, купленную такой ужасной ценой. На шум схватки, происшедшей у дверей каюты, наш капитан спустился вниз; он приказал немедленно поднять бесчувственную женщину, осторожно отнести ее в его каюту и уложить в постель, приказал тут же перевязать рану ее сыну и с величайшей осмотрительностью перенести его в каюту врача, а пленных отвести, куда следует.

Я вышел на палубу, и при виде груды тел убитых и раненых, победителей и побежденных, лежащих и умирающих вместе, при виде этих луж и ручьев крови, людей двух разных наций, но братьев во Христе, во мне невольно родился вопрос: неужели справедливо и закономерно путем стольких убийств, путем такой резни и бойни добывать имущество, не принадлежащее нам? Мой разум, мое религиозное чувство и чувство гуманности ответили: «Нет»!

И я почувствовал себя нехорошо; я был недоволен собой и другими и мысленно называл себя убийцей. И я думал об этих деньгах, которые, если бы они остались в руках их законного владельца, могли бы принести немало пользы людям, тогда как теперь они пойдут на кутеж, разврат, дикий пьяный разгул и на оплату новых преступлений. Будь я тогда в Англии, я, вероятно, никогда бы больше ногой не ступил на палубу частного судна. Но вскоре меня призвали к исполнению служебных обязанностей, и за делом мне некогда было предаваться дальнейшим размышлениям: надо было убрать палубы, убитых выбросить за борт, а раненых отнести в лазарет, смыть кровь с палуб, все прибрать и очистить, все повреждения на судне исправить, снасти привести в порядок. Когда все было снова в полной исправности, мы пошли на Ямайку, ведя за собой свой приз.

Наш капитан, который умел быть столь же милым и ласковым к побежденным, как свирепым и решительным в бою, старался всеми зависящими от него способами смягчить участь несчастной женщины, по его вине ставшей нищей и вдовой. Ее наряды, драгоценности и всевозможные лично ей принадлежащие вещи, – все это было не тронуто и оставлено в ее распоряжении. Мало того, он хотел отдать ей также и все вещи, принадлежавшие лично ее мужу; но экипаж завладел ими и не соглашался расстаться с этой их долей грабежа. Мне стыдно сказать, что часы и палаши покойного ее супруга пришлось на мою долю, и потому ли, что я носил этот меч, или же потому, что она видела, как я выстрелил в ее мужа, но только эта барыня неизменно выражала чувство глубочайшего отвращения ко мне, где бы я ни встретился с ней. Сын ее, хотя и медленно, но все-таки оправлялся понемногу от своей раны, и когда мы пришли в Порт-Рояль, был с разрешения адмирала помещен в королевский госпиталь, а матери его, безумно привязанной к своему единственному ребенку, было разрешено съехать на берег и остаться при сыне, чтобы ухаживать за ним. Я был рад, когда она покинула наше судно, так как внутренне сознавал, что она вправе была меня ненавидеть, и вид ее скорбного, убитого горем лица всегда вызывал во мне упреки совести.

Как только мы пополнили свои запасы пищевых продуктов и воды, тотчас же вышли в море и продолжали свое плавание, но на этот раз менее удачно.

Недель пять или шесть мы плавали безуспешно, и наши люди начинали роптать, когда однажды утром наши шлюпки захватили маленькое судно вблизи берегов Испаньолы. В числе пленных оказался один негр, предложивший проводить нас лесом к усадьбе одного богатого плантатора, расположенной приблизительно в трех милях от маленького залива и довольно

далеко от соседних плантаций. Он уверял, что там мы найдем, чем поживиться, не говоря уже о том, что будем иметь возможность потребовать очень крупный выкуп за самого плантатора и за любого из членов его семейства; кроме того, можно было увести с плантации сколько угодно негров-невольников.

Наш капитан, которому наскучили его неудачи за последнее время и который к тому же рассчитывал пополнить из запасов плантаций наши судовые запасы, подходившие к концу, согласился на предложение негра и, зайдя в залив, указанный последним, бросил якорь, как только стемнело, почти у самого берега. С десантом в сорок человек мы направились под предводительством негра лесом к плантации. Негра мы крепко-накрепко связали с одним из наших первейших силачей, из опасения, чтобы он не дал тягу, заведя нас в лес.

Ночь была ясная, лунная; мы вскоре прибыли к месту; оцепив дом, мы проникли в него, не встретив сопротивления. Захватив негров во дворовых строениях и приставив к ним стражу, мы расставили повсюду часовых, которые должны были своевременно предупредить нас о малейшей грозящей нам опасности, затем принялись грабить усадьбу.

Семья плантатора, состоявшая из старика, его жены и трех дочерей, из которых две были настоящие красавицы, была захвачена нами разом в одной из комнат дома. Трудно описать ужас этих людей, когда они вдруг так неожиданно увидели себя во власти шайки негодяев, от которых, судя по всему, трудно было ожидать чего-либо, кроме злодейства и злоупотреблений. И действительно, отвратительные эксцессы, неизбежно совершаемые экипажами каперов² всякий раз, когда они сходят на берег, вполне оправдывали их опасения. Но подобное мародерство считалось самым постыдным способом войны, и потому им не было никакой пощады, когда каперов ловили на месте преступления. С другой стороны, и команда каперских судов также не давала никому пощады во время своих разбойничьих экспедиций.

Старики безмолвно и неподвижно сидели на своих местах с выражением непомерного ужаса на бледных, вытянувшихся лицах, а молодые девушки, утопая в слезах, кинулись в ноги капитана и, ухватившись за его колени, молили о пощаде и защите от насилий его людей. Капитан Витсераль, который, как я уже говорил раньше, был человек великодушный и гуманный, поднял их с земли, ручаясь своим словом, что никто не посмеет их оскорбить, а так как его присутствие было необходимо для дальнейших действий, то он избрал меня, как одного из самых юных и менее грубых людей своего экипажа для охраны молодых девушек и всей семьи, угрожая мне смертью, если я допущу кого бы то ни было войти в эту комнату до его возвращения, и, приказав мне защищать их в случае нападения даже ценою своей жизни от всякого оскорбления. Я в ту пору был молод, мягкосердечен и чист душой и сердцем, по сравнению с остальными моими товарищами, и был в восторге от возложенной на меня обязанности.

Я всячески старался успокоить встревоженное воображение девушек и разогнать из страха. Но в то время, как я был занят этим благим делом, один из наших матросов, грубый ирландец, славившийся даже среди наших отчаянных молодцов своими зверствами и безобразиями, подошел к дверям и хотел ворваться в комнату. Я, конечно, воспротивился, крикнув ему строжайший наказ капитана. Но ирландец, заметив красоту девушек, совершенно освирепел и заявил, что он посмотрит, как такой мальчуган, как я, помешает ему войти, и видя, что я не соглашаюсь пропустить его, с бешенством накинулся на меня. Мне, однако, посчастливилось на этот раз оттолкнуть его, но он возобновил свое нападение. Девушки, дрожа и замирая от страха, следили за исходом этой схватки, от которой для них должно было зависеть все: и честь, и жизнь.

² Капер – частное судно, которое, с разрешения своего правительства, имеет право вооруженного нападения на неприятельские суда. Каперство не исчезло и теперь, хотя большая часть держав подписали декларацию о невыдаче ими каперских свидетельств. (Прим. перев.)

Наконец я был ранен в правую руку; тогда я выхватил левой рукой из-за пояса пистолет и выстрелом из него ранил ирландца в плечо. После этого, чувствуя себя не в полной силе и боясь, что на звук выстрела к нам мог явиться капитан, не любивший, чтобы с ним шутили, негодяй поспешил удалиться от двери. Тогда я обернулся к молодым девушкам, бывшим свидетельницами нашей схватки, и принялся успокаивать их, обещая защищать их ценой своей собственной жизни. Заметив, что из моей раны сочилась кровь, они все втроем принялись утирать ее своими платочками, полагая, что этим сумеют унять ее.

Вдруг мы услышали новую тревогу. Как оказалось, один из негров успел бежать и поднял тревогу по всей окрестности. Собрались люди со всех соседних плантаций, а так как наши часовые, как это почти всегда бывает во время грабежа, меньше думали о могущей грозить всем нам опасности, чем о том, чтобы не остаться как-нибудь внакладе, и потому были крайне небрежны в исполнении своих обязанностей, то они были застигнуты врасплох и едва успели бежать, предупредив наших об опасности. Командир судна успел собрать своих людей; нельзя было терять ни минуты, надо было отступить в строгом порядке: в этом было теперь наше единственное спасение.

Старый плантатор умолял меня остаться с его семьей и клялся сохранить мне свою дружбу до конца жизни. Но я, горячо поблагодарив его, поспешил присоединиться к своим товарищам. Однако прежде, чем я успел уйти, старуха схватила меня за руку и надела мне на палец кольцо, которое сняла с своей руки и, поцеловав меня в голову, как сына, сказала: «И впредь поступайте так, как сегодня, относитесь к людям сочувственно и доброжелательно и оставайтесь так же благородны и доблестны, как в эту ночь!»

Сделав прощальный жест рукою по адресу молодых девушек, простиравших ко мне руки, я выбежал из комнаты глубоко растроганный и едва догнал своих, которые уже начали отступать, обмениваясь одиночными выстрелами с преследующей нас толпой. К счастью, эта беспорядочная толпа, состоявшая из негров, мулатов, молодых и старых плантаторов, наполовину безоружная и совершенно недисциплинированная, легко могла быть отбита всякий раз, когда она отваживалась на нападение или начинала теснить нас. Но движимые злобой и ненавистью к нам, они продолжали преследование, рассчитывая осилить нас подавляющим большинством, так как к ним с каждой минутой подходили новые подкрепления, и толпа росла.

Это, конечно, не ускользнуло от внимания нашего капитана, который изо всех сил спешил к тому месту, где нами были оставлены шлюпки. Если бы неприятель догадался захватить их, то всякий путь к отступлению был бы окончательно отрезан.

Между тем, несмотря на усилия капитана, несколько человек из наших отстали и были отрезаны от нас, отчасти потому, что густая лесная чаща мешала свободно двигаться, отчасти также и потому, что вследствие полученных ран они не в силах были поспевать за нами. Отбив одну за другой несколько атак, из которых каждая последующая была более серьезной, чем предыдущая, мы наконец добежали до своих шлюпок и, не теряя ни минуты, стали грести изо всех сил к судну. Вzbешенные нашим бегством плантаторы громадными толпами устремились к берегу, и мы слышали, леденя от ужаса, как наши отбившиеся товарищи зывали о пощаде, но вместо пощады их тут же постигла дикая расправа.

Капитан Витсераль был до того возмущен гибелью своих людей, что отдал приказание немедленно грести к берегу и атаковать толпу, ко мы не послушали его и продолжали изо всех сил грести к судну, невзирая ни на его гнев, ни на его угрозы.

Нас охватила паника, и эта беспорядочная стрельба с берега, которая в другое время вызвала бы у нас только смех, вселяла в нас суеверный страх. Судно наше стояло на якоре всего в каких-нибудь двухстах ярдах от берега, и мы в несколько минут подошли к нему. С берега продолжали стрелять по нас, но пули или не долетали или пролетали над нашими головами, не причиняя нам вреда. Едва мы вступили на палубу, как бросились к орудиям и, зарядив их картечью и шрапнелью, ответили неприятелю огнем по всему борту. Крики ужаса и

отчаяния, вопли и смятение на берегу доказали, что наши заряды не пропали даром. Экипаж хотел вторично зарядить орудия и повторить потеху, но капитан воспротивился, заявив, что мы и так уже позволили себе слишком много, и, чтобы положить конец пререканиям, приказал сниматься с якоря. Благодаря свежему ветру с берега мы стали быстро уходить в открытое море и вскоре оставили далеко за собой злополучную плантацию.

Глава II

Нас преследуют два судна, от которых мы не можем уйти. – Происходит сражение. – Три акта морской драмы. – Мы разбиты, капитан Витсералль убит. – Я обобран и тяжело ранен.

Спустя недель шесть после только что описанных событий на наши головы обрушилось новое, еще горшее несчастье. Выйдя из испанских вод, мы попутно взяли несколько призов; покончив с последним из них и посадив на него часть нашей команды, мы расстались с забранными судами. Так как «Ривендж» находился вблизи берегов, а с моря дул сильный ветер, то мы вынуждены были спешно уходить, чтобы нас не выкинуло бурей на берег. Всю ночь мы уходили от берега, но на рассвете, когда ветер стих и прояснело, увидели, что ушли очень недалеко по причине сильного встречного течения.

Вдруг марсовый матрос крикнул сверху, что в открытом море показались два паруса. Тотчас же вызвали наверх людей и стали готовиться к погоне. Однако мы вскоре заметили, что и они, со своей стороны, вместо того, чтобы уходить, с самым решительным видом идут прямо на нас. Мы быстро приближались друг к другу, а потому в самом непродолжительном времени могли убедиться, что эти суда были из числа крупных и сильно вооруженных. Одно из них нам было даже хорошо известно; это был французский капер «Эсперанс», несущий шестнадцать орудий крупного калибра и снабженный отборной командой в 120 человек. Другое судно оказалось испанским капером, крейсирующим совместно с «Эсперанс», вооруженным 18-ю орудиями и снабженным хорошим экипажем.

Наше нормальное число людей превосходило несколько число 100, но потеряв в деле немало людей убитыми и ранеными, наш экипаж в настоящий момент едва достигал цифры 55 человек. Видя столь превосходящие силы наших противников, мы приложили все усилия, чтобы уйти, но имея берег с подветренной стороны и неприятельские суда с наветренной, не в состоянии были что-либо сделать, а потому волей-неволей пришлось принять сражение при заведомо неблагоприятных для нас условиях.

Капитан Витсералль, бывший душой своего экипажа, не ударил лицом в грязь и в этом тяжелом случае. Он отдавал свои приказания с величайшим спокойствием и самообладанием; приказал убрать все малые паруса и приготовился встретить неприятеля. Когда все было готово, он созвал весь экипаж на корму и обратился к нам с речью, желая внушить нам тот же пыл и воодушевление, каким был исполнен сам. Он напомнил, что мы уже не раз побеждали врага вдвое сильнеешего, чем мы, что мы не так давно еще отбили атаку этого самого французского капера «Эсперанс», а об испанце и разговаривать не стоит; стоит только нам схватиться врукопашную, чтобы наши тесаки доказали этим дуракам наше превосходство. Далее он стал нам доказывать, что все наше спасение зависит всецело от нашего собственного мужества, так как мы столько наделали зла по всему побережью, и наше последнее нападение на плантацию приняло столь дурной оборот, что мы не можем надеяться ни на какое помилование или снисхождение в случае поражения. Убеждая нас вести себя хорошо и отважно биться с врагом, он в то же время обещал нам победу. И вся команда до такой степени верила в своего капитана, что мы приветствовали его речь троекратным единодушным «ура»! Тогда он скомандовал нам встать по местам и вслед за тем, приказав поднять английский флаг с изображением св. Георгия Победоносца, пошел навстречу врагу.

Французский капер первый поравнялся с нами, и так как дул едва приметный ветерок, то подходил медленно. Капитан его окликнул нас и заявил, что его судно – «Эсперанс», а наш ответил, что это нам хорошо известно, и что им также известно, что его судно – «Ривендж». Тогда француз, подошедший уже совсем близко, лег в дрейф, весьма любезно заявив, что он действительно знает, с кем имеет дело, а также знает, с каким доблестным и отважным моряком

его столкнул случай. В ответ на эту любезность капитан Витсералль, стоявший у шкафутов, высоко приподнял свою шляпу в знак признательности за доброе слово.

Действительно, превосходная репутация капитана Витсералля была всем известна, а также было известно и то, что эти два судна – «Эсперанс» и «Ривендж» – должны были столкнуться не на шутку, и что столкновения этого лучше было бы обоим избежать, так как победа, кому бы она ни досталась, будет стоить, несомненно, недешево. Поэтому командир «Эсперанса» обратился снова к капитану Витсераллю, заявив, что Витсералль ввиду явного превосходства, вероятно, поспешит спустить свой флаг и сдастся, не рискуя жизнью своего экипажа. На это наш капитан ответил самым любезным, но вместе с тем и самым решительным отказом.

Теперь суда находились уже совсем близко друг от друга, так что с одного судна на другое можно было перебросить сухарь. Великодушные переговоры между командирами продолжались до тех пор, пока испанский капер не подошел к нам совершенно близко с кормы.

– Теперь вы видите ясно наши силы, – сказал француз, – не вступайте в бой при таких чудовищно неравных шансах; пощадите ваших смелых и преданных вам людей, будьте гуманны.

– В благодарность за ваше доброе отношение ко мне, – сказал капитан Витсералль, – я предлагаю вам обоим пощаду и пощаду вашему частному имуществу, если вы спустите свои флаги.

– Да вы в уме ли, капитан! – воскликнул командир французского судна.

– Вы признаете, что я жил с честью, – продолжал капитан Витсералль, – так признайте же теперь, что я сумею с честью победить вас или умереть, если мне так суждено. Мы теперь сразимся; из любезности я вам предлагаю первому открыть по нам огонь!

– Нет, это невероятно! Это невозможно! – воскликнул француз, почтительно снимая шляпу.

Наш капитан сделал то же, затем сойдя со шкафута, отдал приказание готовить орудия и, дав французю приготовиться, пустил ракету, которую держал в руке как сигнал для начала сражения. Вслед за тем мы открыли бортовой огонь по неприятелю, который отвечал нам тем же. В продолжение четверти часа мы обстреливали друг друга, когда испанец подошел к нам с наветренной стороны с целой тучей людей, повисших на снастях и готовившихся устремиться на abordаж. Но мы вовремя успели предупредить их, повернув судно и открыв по всему борту огонь по испанцам. Орудия наши были заряжены свинцовыми пулями и картечью, а испанцы гроздью висели на снастях, готовясь прыгнуть к нам на палубу, и потому наш огонь произвел среди них страшное опустошение; вся их палуба была усеяна убитыми и ранеными. Напрасно офицеры старались ободрить людей, которые теперь вместо того, чтобы устремиться на нашу палубу, покинули даже свои места и, как перепуганные овцы, бежали вниз. Француз, видя панику и беспорядок на борту своего союзника и желая дать ему время оправиться, изменил свое направление, подошел к нам с борта, и его люди устремились на наше судно, но мы этого ожидали и были готовы встретить их с честью; в несколько минут очистили от них свою палубу. Тем временем испанец, который запутал свой бушприт в наших снастях, прорубив их, высвободил себя и отошел в сторону. Тогда француз, видя это, также отошел и, забрав ветра, опередил нас.

Таков был первый акт этой морской драмы.

По сие время мы сравнительно очень мало пострадали и мало понесли урона благодаря неискусности наших врагов и благоприятно сложившимся для нас обстоятельствам, которые дали нам возможность воспользоваться невыгодами положения наших врагов.

Однако как ни были мы ободрены столь удачным началом, тем не менее наша малочисленность была так явна, что капитан счел своим долгом поднять все паруса и попытаться положить конец столь неравному бою, оставив своих противников далеко за собой. Но противники пытались воспротивиться этому бешеной канонадой, на которую мы отвечали со своей сто-

роны, не переставая уходить на всех парусах до тех пор, пока у нас не была снесена передняя мачта и фор-марс, после чего судно перестало слушаться руля. Но хотя мы сильно пострадали и лишены были возможности уйти от неприятеля, мы продолжали непрерывно стрелять. Теперь оба неприятельских судна стали снова готовиться к abordажу.

Так как мы знали, что французский капер может подойти к нам только с наветренной стороны, – а он являлся нашим главным противником, – то мы перетащили на наветренную сторону еще четыре орудия, заряженных мушкетными пулями, чтобы с честью встретить французов; все люди были наготове со своими ручными гранатами и мушкетами, и в тот момент, когда они густой тучей, точно потревоженный пчелиный улей, готовы были прыгнуть на нашу палубу, мы целым бортом дали по ним залп чуть не в упор, и люди, как отравленные мухи, десятками посыпались со снастей в одну общую грудку, раненые, убитые и здоровые; потребовалось все мужество и решимость их командира, который поистине был отважный и смелый человек, чтобы собрать вокруг себя остаток своих людей и увлечь их за собой на abordаж, так что в конце концов ему удалось перебросить к нам человек сорок. Они добрались до нашего бака, с которого вытеснили нашу малочисленную команду, и сумели удержаться здесь, не продолжая, однако, далее своего натиска и, вероятно, выжидая подкрепления со стороны испанцев, которые собирались абординовать с подветренной стороны. Это поставило бы нас между двух огней и принудило бы драться на два фронта, что было совершенно невыносимо при нашей малочисленности.

Вдруг на наше счастье ветер, все время дувший очень слабо, совершенно упал; наступил почти полный штиль; мертвая зыбь отделяла нас от француза, а испанец, который в это время находился у нас с подветренной стороны, не имея ветра в парусах, не мог нагнать нас, и вскоре его стало сносить течением все дальше и дальше. Французы, занявшие позицию у нас на баке и отрезанные от своих, очутились как бы в западне. С торжествующим криком пустили мы в них несколько ручных гранат и устремились со своими коротенькими пиками. Неприятель поспешил прыгнуть за борт, спасая жизнь. После этого наступил поневоле перерыв в сражении, и этим закончился, так сказать, второй акт этой тяжелой морской драмы.

До сих пор сражение велось с благородной решимостью, но без особого озлобления. Но после этой первой рукопашной схватки между нашими и французами и страшного избиения последних обе стороны, видимо, рассвирепели. Снова началась адская канонада со стороны обоих наших противников, на которую мы отвечали с таким же рвением, но так как на море была мертвая зыбь, то нас так сильно качало, что снаряды шлепались в воду, не принося никому серьезного вреда. Видя это, обе стороны мало-помалу прекратили стрельбу, тем более что течение несло нас все дальше друг от друга. Во время этого перерыва военных действий наши враги какими-то судьбами подошли ближе друг к другу, хотя их отнесло далеко от нас, и мы увидели, что испанцы спустили два больших катера, в которых находилось человек по двадцать, если не больше, в каждом, и хотели переправить их на французское судно, чтобы пополнить значительный урон, какой понесли французы. По приказу Витсералля, мы стали стрелять по катерам, стараясь потопить их; после двух-трех неудачных выстрелов одно наше ядро пробilo шедший впереди катер и почти моментально затопило его; люди с другого катера поспешили на помощь тонущим товарищам, стараясь спасти их, но мы открыли по ним береговой огонь, и, обезумев от града сыпавшихся на них со всех сторон снарядов, люди, находившиеся во втором катере, кинув товарищей, повернули назад к своему судну, спасая свои собственные жизни и предоставив погибавших их участи.

После этой неудачной попытки оба неприятельских судна снова начали стрелять в нас, но за дальностью расстояния, не попадая в цель, вскоре прекратили и решили ждать, когда снова подует ветер и даст им возможность продолжать сражение с большим успехом.

Было около одиннадцати часов дня; сражение продолжалось уже целых пять часов. Пользуясь перерывом, мы поспешили восстановить свои силы пищей и собраться с духом для новых

геройских подвигов. Во все время, пока длился бой, все мы были до того возбуждены, что не имели даже времени опомниться, но теперь, немного успокоившись, начали отдавать себе отчет в нашем положении и становились озабоченными и удрученными. Усталость и истощение сказывались также на нашем настроении; мы знали, что наши лучшие люди были или убиты или ранены, словом, выбыли из строя, а враг, несмотря на свой громадный урон, все еще был очень силен: он не собирался уходить, а намеревался продолжать бой, из чего мы могли заключить, что он был не только многочислен, но смел и решителен.

Счастливая случайность и искусство нашего командира до сего момента давали нам перевес над врагом, но счастье могло изменить, а нас было так мало, что одолеть было нетрудно. Но наш капитан тотчас же заметил настроение своих людей и стал хвалить нас за героизм; он говорил, что каково бы ни было мужество и присутствие духа командиров и офицеров на неприятельских судах, все же несомненно, что люди поражены паникой, удручены своей неудачей, и если они по принуждению начальства сделают еще попытку взять нас на abordage и им не посчастливится опять, как он надеялся, то никакие силы не заставят их продолжать бой; тогда капитанам поневоле придется отказаться от преследования. В заключение Витсераль торжественно поклялся, что не спустит флага до тех пор, пока будет жив, и спрашивал, кто из нас настолько низок, что изменит своему флагу, кто откажется постоять за него. Мы отвечали троекратным «ура»! «Ура» это было слабое, потому что нас было мало, но мы были все до последнего воодушевлены решимостью постоять за своего капитана и за свой флаг.

Капитан Витсераль позаботился о том, чтобы эти чувства в нас не остыли, и тотчас же распорядился раздать всем удвоенную порцию грога. По общему нашему желанию флаг прибили гвоздями к мачте, и мы с нетерпением ждали возобновления боя. В четыре часа пополудни поднялся ветерок, и оба неприятельских судна, подняв паруса, двинулись на нас, хотя не с прежней смелостью и отвагой. Они подвигались медленно, бесшумно, без выстрела, с неподвижно стоящими на своих мачтах людьми. Все это предвещало серьезную, решительную борьбу за победу.

Когда они подошли к нам на расстояние полукабельтова, мы приветствовали их троекратным «ура»! На наш вызов они отвечали тем, что подступили к нам с обеих сторон, и завязался бой жестокий, озлобленный, беспощадный. На этот раз француз не хотел идти на abordage прежде, чем испанцы не возьмут нас на abordage с подветренного борта, и потому он только время от времени угощал нас бортовым огнем, пока испанец не сцепился с нами; тогда француз налег на нас с носовой части. Испанцы успели уже взобраться на наш борт; мы с успехом оттесняли их, когда французы напали с носа. Мы дрались отчаянно, и наши пики давали нам такой перевес над ножами и мечами испанцев, что те стали отступать и покинули нашу палубу, усеянную их мертвыми и убитыми. Но прежде, чем мы успели отразить испанцев, французы с другой стороны устремились на нашу палубу и стали теснить ту небольшую горсточку наших, которая должна была встретить и отразить их. Французы прорвались и устремились на бок, где теперь собрались все наши. Борьба была отчаянная, но, в конце концов, наши пики и наше более выгодное положение преодолели их численность, и мы погнали их перед собой, даже завладели главной палубой, как вдруг наш командир, дравшийся впереди всех и воодушевлявший всех своим неукротимым мужеством, был ранен в кисть правой руки. Он перехватил меч в левую руку и продолжал теснить врага, ободряя нас своим примером, но одна пуля пронизала ему грудь насквозь. Капитан Витсераль замертво упал на палубу. С ним как-то разом упали и мужество, и вера наших людей в себя; как бы в довершение несчастья, упали один за другим наш старший лейтенант и двое еще оставшихся в живых младших офицеров. Пораженные, удрученные люди вдруг остановились, растерянно озираясь кругом, ища предводителя, начальника.

Французы, видя это, возобновили атаку. Нашими овладела паника, и, побросав оружие, они стали просить пощады, тогда как еще за минуту победа была в наших руках. Таков был конец нашей кровавой драмы.

Из пятидесяти пяти человек двадцать пять было убито; почти все оставшиеся в живых были ранены. Большинство людей, бросив оружие, кинулось вниз, чтобы избежать тесаков освирепевших победителей. Я и еще человек восемь из наших, которых враги прогнали мимо люков, побросали оружие и просили пощады, на которую мы, однако, не могли надеяться. И действительно, в первый момент французы не щадили нас, и несколько из наших безоружных товарищей пало под их ударами. Видя это, я вскочил на шкафут и собирался уже прыгнуть за борт, надеясь, что после, когда бойня прекратится, меня выловят, но в этот момент французский лейтенант, подоспевший к нам, властным словом остановил своих освирепевших людей. Но ему удалось охранить только нашу жизнь, но не наше имущество; победители тотчас же принялись грабить и обирать нас до нитки. У меня отняли все, что только я имел: часы, кольцо и меч, некогда принадлежавший доблестному французу. А так как я недостаточно проворно раздевался по желанию матроса-мулата, который избрал меня на свою долю, то он ударил меня рукояткой своего пистолета под левое ухо, от чего я кубарем полетел в люк и остался лежать в трюме без сознания.

Глава III

Нас запирают в трюме «Ривенджа» и обращаются очень жестоко. – Затем нас берет в плен капер «Герой». – Меня отвозят в госпиталь в Порт-Рояль, где я встречаю жену доблестного француза. – Ее экзальтация при виде моего положения. – Ее наказывает один из моих товарищей.

Придя в себя, я увидел себя совершенно нагим и почувствовал страшную боль; оказалось, рука моя была переломлена, а плечо жестоко разбито и повреждено. А так как я еще ранее получил три глубоких ножевых раны во время боя и потерял много крови, то не имел силы ни подняться, ни что-либо сделать для себя. И я лежал, стелая и дрожа от озноба, совершенно нагой на судовом балласте, по временам переживая отдельные минуты боя, вспоминая смерть нашего благородного капитана, утрату нашего судна, гибель стольких из нас и утрату нашей свободы.

Спустя некоторое время доктор по приказанию командира французского судна спустился вниз и перевязал мои раны; но при этом он обращался со мной в высшей степени варварски. Когда он ощупывал мою сломанную руку, то причинил при этом такую адскую боль, что я не мог удержать криков, но он заставил меня замолчать ругательствами, бранью и ударами, пожелав мне, чтобы я сломал себе шею, чтобы его не заставляли беспокоить себя моим лечением. Тем не менее он все-таки перевязал раны из страха перед своим командиром, но в назидание толкнул меня в бок ногой и ушел.

Вскоре после того наши суда разошлись. Четырнадцать человек из нас, особенно тяжело раненных, были оставлены на «Ривендже», куда перешли двадцать человек команды и два офицера с французского судна с приказанием отвести судно в Порт-о-Пэ. Остальные англичане были переведены на французский катер, который ушел от нас в поисках новых, более прибыльных приключений.

Час спустя после нашего отплытия офицер, командовавший нашим судном, заглянув в люк и увидя меня совершенно нагим, кинул мне пару брюк, брошенных кем-то из французских матросов за негодностью, да еще такую же рваную рубаху. С невероятным трудом я облачился в это тряпье и вместо перевязи для своей сломанной руки повесил себе на шею обрывок веревки, найденный тут же в трюме; под вечер я выбрался наверх, желая освежиться вечерним ветерком.

В продолжение нескольких дней мы, несчастные пленные, невыразимо страдали не только от наших ран и увечий, но еще более от дерзости, издевательства и жестокого обращения с нами французских матросов, наших озлобленных победителей. Один из них, завладевший моими часами, по несколько раз в день подходил ко мне и, подставляя мне под нос часы, насмешливо спрашивал, не желаю ли я узнать, который теперь час. Другой, присвоивший себе мое кольцо, вертел им у меня перед глазами и рассуждал вслух о том, что его возлюбленная будет очень гордиться этим кольцом, особенно когда узнает, что оно взято у побежденного англичанина. И я должен был принимать все это молча, без малейшего протеста.

На одиннадцатые сутки после взятия нашего «Ривенджа», когда мы подошли к самому Порт-о-Пэ, рассчитывая еще до ночи встать на якорь, вдруг поднялась страшная суетня и тревога на палубе; очевидно французы подымали все паруса и спешили от кого-то уйти; затем, когда мы услышали, что из кормового орудия был дан выстрел, то с уверенностью решили, что нас преследуют. От радости мы, пленники, крикнули «ура!», на что французы с верхней палубы грозили стрелять в нас, но мы знали, что они не посмеют этого сделать. «Ривендж» был так сильно поврежден в бою, что нельзя было надеяться уйти от погони, а наличные силы экипажа были до того незначительны, что о сопротивлении нечего было и думать. Наконец мы услышали, что завязалась перестрелка. Одно или два ядра ударили в корпус нашего судна, а когда вслед за тем по нам открыли бортовой огонь, то французы спустили свой флаг, и мы

испытали радость, видя, как этих нахалов и бахвалов загнали в трюм на наше место. Теперь пришла им очередь выносить насмешки и издевательства, а наша – торжествовать, и мы воспользовались этим, чтобы вернуть себе свою одежду и вещи, отнятые ими у нас.

– Который час, *monsieur*? – спросил я у француза, завладевшего моими часами.

– К вашим услугам! – отвечал тот и, покорно достав из кармана мои часы, передал их мне.

– Благодарю, – сказал я, беря часы и сопровождая свою благодарность пинком в живот, отчего он дважды перевернулся и покачнулся; чтобы помочь ему удержаться на ногах, я дал ему еще пинок в зад. – Ну-с, а кольцо, *monsieur*, которое предназначалось для вашей возлюбленной, нельзя ли и его получить?

– Вот оно! – покорно отозвался матрос.

– Благодарю вас! – повторил я и наградил его теми же двумя пинками. – Скажите вашей возлюбленной, что я посылаю ей вот это!..

– Эй, послушай, братец, – закричал один из наших, – позволь побеспокоить тебя просьбой вернуть мне мой пиджак, который одолжили у меня несколько дней тому назад; взамен его я предложу вам эту пару железных подвязок, которые вы будете носить вместо меня; я уверен, они вам придутся по мерке!

– *Monsieur*, мне кажется, ваш костюм вам не к лицу, а мне он как раз впору!

– По вашей милости я остался совсем наг, – сказал я, обращаясь к третьему, хорошо и щеголевато одетому. – Я буду вам очень признателен, если вы разденетесь до рубашки: ваше платье как раз будет по мне!

Ободрав таким образом до нитки наших врагов, мы принялись награждать их пинками и тычками в продолжение получаса и так старательно, что все они остались лежать в куче, на балласте судна, а мы после того все вышли на палубу.

Капер, взявший нас в плен, был капер «Герой» из Нью-Провиденс. Французов сняли с «Ривенджа», а несколько своих людей поместили к нам, чтобы они отвели «Ривендж» в Порт-Рояль. Мы как раненые и не высказавшие желания перейти на «Герой» были оставлены. По прибытии в Порт-Рояль мы получили разрешение лечь в королевский госпиталь для излечения.

Подымаясь по лестнице госпиталя в первый этаж, где мне было отведено помещение, я встретил жену того самого доблестного француза, которого я убил выстрелом из револьвера, и которая ухаживала здесь за своим больным сыном. Несмотря на то что я за это время страшно изменился, она тотчас же узнала меня и, увидя меня бледным, истощенным, с рукой на перевязи, кинулась на колени и громко возблагодарила Бога, воздавшего нам хоть отчасти за то бесконечное зло, которое мы обрушили на ее голову. Она испытывала такую дикую радость, когда слышала, как многие из нас погибли в неравном бою, радовалась смерти капитана Витсералля, который был к ней так добр, так почтителен, так снисходителен, что мне эта злая радость ее показалась возмутительной.

Оказалось, что меня поместили не только в ту же палату, но даже и на соседнюю с ее сыном койку. Волнение при вторичном взятии нашего «Ривенджа», усилие при избиении французов мне очень повредили и сильно меня истощили. У меня сделался тиф, а она, эта женщина, ликовала и злорадствовала, видя мои страдания и издеваясь над моими стонами. Это продолжалось до тех пор, пока заведующий больницей не сказал ей, что ее сын был принят в госпиталь вместо тюрьмы только по особой милости, и если она не будет держать себя как следует, он запретит пускать ее в госпиталь, а если она позволит себе еще хоть раз мучить больных своими издевательствами, то он отправит ее сына в тюрьму – оканчивать свое выздоровление. Это заставило ее очнуться, и она стала просить о прощении, обещая не затрагивать, не оскорблять меня, но она едва могла выдержать один или два дня, и, когда хирург, делая перевязку моей руки, удалял осколок кости, и я не мог удержать вопля мучительной боли, она громко расхохоталась. Тогда один из моих товарищей по «Ривенджу» так возмущился этой бес-

человечностью, что, не желая ударить ее как женщину и зная, чем причинить ей еще большую боль, занес свой тяжелый кулак над ее раненым сыном и ударил его по только что затянувшейся ране, которая под этим ударом раскрылась.

– Вот вам муки и страдания, над которыми хохотать, злая чертовка! – крикнул он.

И этот роковой удар стоил жизни бедному молодому человеку.

Доктор был страшно возмущен этим варварским поступком, но сказал француженке, что она сама во всем виновата своей дикой жестокостью и бесчеловечностью. Между тем она, рыдая, упала перед сыном. Не знаю, поняла ли она это наконец или просто опасалась повторения этой дикой сцены, но только после того она больше не задевала меня. Но я видел, что она страшно страдала, видя, как я с каждым днем поправлялся, а ее сын заметно таял и слабел. Наконец я совершенно оправился и покинул госпиталь, надеясь никогда больше не встречаться с жестокой француженкой.

Глава IV

Плавание до Ливерпуля на «Самми и Китти». – Встречаемся с непогодой. – Мальчик за бортом. – Чуть не утонул, пытаюсь спасти его. – Посещаю судовладельцев в Ливерпуле. – Отправляюсь к берегам Африки на «Дальримпле». – Прибытие в Сенегал.

Так как нам следовало много призовых денег, то я отправился к агенту в Порт-Рояле, желая получить аванс. Я застал его врасплох. Из-за смерти капитана Витсералля и очень многих наших офицеров он не знал, кто из оставшихся в живых имел право на призовые деньги, кто нет. Считая меня, судя по наружности, более честным и добросовестным, чем другие, или по какой-то другой причине, он попросил меня некоторое время побыть с ним и составить полные и правильные списки нашего экипажа, отметив убитых. Затем, осведомившись, не намерен ли я вернуться в Англию, агент предложил мне отправить меня туда и переправить через меня все отчеты и бумаги судовладельцу в Ливерпуль.

Так как я достаточно покаперствовал за это время, то, конечно, согласился на его предложение. Спустя два месяца по выходе моем из госпиталя, проведенных мною весело и приятно, я, совершенно оправившись от своих ран, отплыл на судне Вест-Индской компании «Самми и Китти» в Ливерпуль. Командиром здесь был капитан Кларк, человек грубый, но энергичный.

С первого же дня нас преследовала непогода: целую неделю громадные валы ходили по морю, и лишь на седьмые сутки ветер спал; но волнение на море было все еще очень сильное. Под утро я из любезности предложил заменить на время измучившегося рулевого, и вдруг слышу, что кто-то зовет меня по имени, но как будто издалека, точно из глубины моря. Удивленный, недоумевая, что это может быть, я кинулся на корму, перегнулся через перила и увидел под кормой барахтающегося в волнах маленького юнгу Ричарда Паллана. Мальчик сорвался с якорной цепи и, зная, что я у руля, стал звать меня на помощь.

– Человек за бортом! – крикнул я тотчас же.

Капитан поспешил вызвать людей наверх и приказал лечь в дрейф, но это было нелегко в такую погоду. Однако после долгих усилий нам это удалось; но мальчика сильно относило течением, и капитан Кларк, обычно очень смелый и решительный, на этот раз, видя опасность, грозившую мальчику, совершенно растерялся и не знал, что предпринять. Дело в том что родители Ричарда Паллана, зажиточные коммерсанты из Ипсвичта, его хорошие знакомые и друзья, поручили своего мальчика его особому попечению, а теперь ему казалось, что мальчик должен неизбежно погибнуть, и растерявшийся капитан метался по палубе в страшном отчаянии. Волнение было слишком сильно для того, чтобы спустить шлюпку и рисковать жизнью нескольких человек, да и экипаж его был очень невелик, и едва-едва хватало людей, чтобы выполнять необходимые маневры.

Мальчик был всего в каких-нибудь ста ярдах от судна, и я высказал мысль, что человек, имея при себе надежный морской канат, за который его потом можно будет подтянуть к судну, мог бы доплыть до мальчугана, затем вместе с ним вернуться назад. Но капитан клялся и божился, что это невозможно, и громко кричал: «Какой черт согласится плыть в такую бурю?» Желая спасти мальчика, я вызвался сделать это, проворно разделся и кинулся в воду, обмотав вокруг пояса канат, совершенно новый и потому недостаточно гибкий, отчего петля, обхватывавшая меня вокруг бедер, соскользнула, когда я поплыл; однако я вовремя успел поймать канат, когда он скользнул по моим ногам, и, чтобы не потерять его, продел в петлю голову, одну руку и бедро, поплыл прямо к мальчику.

Плыть мне было легко, благодаря плотности воды в этих широтах, и я проплыл почти половину расстояния, отделявшего меня от мальчугана, когда канат на клубке запутался, и меня рвануло с такой силой, что я разом ушел под воду. Впрочем, я вскоре всплыл и продолжал плыть вперед. Тем временем на судне, чтобы спустить канат не задерживая, отрезали некото-

рые запутавшиеся его части, причем в спешке и волнении отрезали не тот конец, который следовало, и конец каната упал в море. Теперь на мне висел громадный конец тяжелого каната; кроме того, меня относило течением все дальше и дальше от судна. Мне тотчас же стали кричать, чтобы я плыл назад, но за шумом валов и дальностью расстояния я не мог разобрать, что они кричали и думал, что они подбодряли меня плыть дальше. Я плыл без особых усилий, но подвигался медленно.

Мальчика я видел только по временам, когда оказывался на мгновение на гребне волны. Он почти вовсе не мог плыть, а плескался без всякого толка, как маленький пудель, лишь для того, чтобы удержаться на поверхности. Между тем я начинал чувствовать тяжесть каната и понимал, что едва ли еще долго выдержу. Я начинал уже раскаиваться в своей поспешности, и мне казалось, что я даром пожертвовал своею жизнью, без малейшей возможности спасти мальчика. Тем не менее я продолжал плыть вперед и, когда приплыл на то место, где по моим предположениям должен был находиться мальчуган, оглянулся кругом, но не видя его, подумал, что он пошел ко дну. Однако взобравшись на гребень волны, я увидел его барахтающимся между волн, но уже совершенно выбившимся из сил.

Я подплыл к нему и окликнул; он еще был в сознании и услышал меня. Я сказал, чтобы он ухватился за мою руку, но не дотрагивался до тела, иначе мы оба пойдем ко дну. Он обещал исполнить мое требование, и я протянул ему свою правую руку. Затем я подал знак, чтобы нас подтягивали канатом к судну, так как и не подозревал, что канат был отрезан. Оглянувшись, я испугался, увидя как далеко мы были от нашего судна. Я знал, что канат имел не более 100 футов длины, и потому сразу понял, что меня унесло течением, и сердце во мне упало.

Весь ужас моего положения стал мне ясен, и я понял, что безвозвратно погиб; тем не менее я боролся за жизнь, хотя канат страшно тянул меня вниз своею тяжестью; мало того, канат, тянувшийся за мной, пока я плыл вперед, хотя и мешал мне, но я все-таки почти не чувствовал его веса; теперь же, когда я держался на месте, тянул меня ко дну, а волны, на которые я раньше бодро взбирался, теперь налетали на нас сзади заливая нас или гоня вперед в своем буйном набеге. Я старался сбросить с себя канат, но петля затянулась, да и мальчик висел у меня на руке, и мне было трудно освободиться от него. Однако мужество мое поддерживало то обстоятельство, что я видел, как на судне спускали шлюпку. Капитан, не решавшийся спустить шлюпку ради спасения одного человека, теперь, когда были двое за бортом, и один из них рисковал жизнью для спасения другого, стал настаивать на необходимости спустить шлюпку и спешить к нам на помощь. Для меня это были мучительные минуты. Но вот шлюпку спустили.

Опасность была так велика, что когда стали вызывать охотников, нашлось всего только три человека, согласившихся сесть на шлюпку, причем впопыхах они выехали всего только с двумя веслами и без руля. При столь неблагоприятных условиях шлюпка подвигалась весьма медленно против бурного моря; тем не менее вид ее ободрил меня.

Мои усилия были невероятны, но чего только человек не сделает под влиянием страха смерти?! Однако по мере того как шлюпка подходила ближе, мои силы быстро убывали. Теперь я часто подолгу останавливался под водой вместе с мальчиком, но затем снова выплывал вверх, как вдруг на нас налетела громадная, косматая волна, и мы очутились на несколько футов под водою. Силою вала мальчика прикинуло на меня, и он обхватил меня поперек туловища в тот момент, когда я был головою вниз. Я бился и боролся, чтобы освободиться от мальчика, но все было напрасно. Тогда я понял, что безвозвратно погиб, и целый рой мыслей и переживаний разом нахлынул на меня в эти короткие минуты. Я чувствовал, что ухожу все глубже и глубже, что меня все больше и больше тянет ко дну. Мальчуган, видя, что вместо того, чтобы выплыть на поверхность, я вместе с ним иду ко дну, вдруг выпустил меня и стал выбиваться на поверхность; я тотчас же перевернулся и тоже всплыл вверх и вздохнул полной грудью. Теперь я уже не думал о спасении мальчика и поплыл изо всех сил к лодке, которая была недалеко. Видя это, мальчик стал отчаянно звать ко мне и молить не покидать его. Чувствуя себя достаточно

оправившимся, я подумал, что смогу спасти и его, и себя, и вернулся назад. Я снова протянул ему руку, заклиная не цепляться за меня и снова старался бороться с волнами и удерживал на поверхности и себя, и его. Но силы начинали мне изменять, а лодка приближалась очень медленно, и мы снова начали тонуть, выбиваясь лишь на короткую минутку на поверхность, чтобы перевести дух. Боже милосердный, как медленно приближалась шлюпка! Но вот я начал терять сознание; мне стало казаться, что я среди каких-то зеленых полей; в этот момент матрос схватил меня и кинул на дно шлюпки, где я остался лежать подле мальчугана, окончательно лишившись чувств. Шлюпка с трудом и опасностью вернулась на судно. Не раз ее более чем наполовину заливало волной, а когда она подошла к судну, то не было возможности вынести нас из шлюпки. Пришлось спустить тали и на них поднять шлюпку после того, как спасшие нас матросы взобрались на палубу. Как ни было это трудно, тем не менее в конце концов мы были спасены. Канат оказался еще на мне, и, как мы впоследствии удостоверились, я все время выдерживал на себе тяжесть 70 ярдов каната. Однако мне этот подвиг не прошел даром, и я в продолжение нескольких суток не мог подняться с койки. За это время я строго проверил себя и свою жизнь и твердо решил исправиться в будущем.

Мы прибыли в Ливерпуль без дальнейших приключений, и я тотчас же отправился к судовладельцу с доверенными мне бумагами и документами.

Я сообщил ему все сведения, какие он только пожелал иметь; в заключение он спросил меня, желаю ли я продолжать каперскую службу или же предпочитаю принять место помощника на судне, отправляющемся к берегам Африки. Я осведомился, какова была цель этого плавания, и узнав, что судно шло в Сенегал за слоновой костью, воском, золотым песком и другими местными продуктами, получаемыми в обмен на товары английского производства, поспешил выразить свое согласие. Я упомянул здесь об этом, потому что если бы судно это отправлялось к берегам Африки для скупки невольников, как большинство судов, отправлявшихся в эти места, то я не согласился бы принять на нем место помощника капитана.

Несколько дней спустя я уже вступил в исполнение своих новых обязанностей на «Дальримпле» под командою капитана Джонса. При самых благоприятных условиях мы чрезвычайно быстро пришли в Сенегал и бросили якорь без всяких препятствий на высоте бара.

Глава V

Переправляясь через бар, т. е. мелководное место в Сенегале, наша шлюпка идет ко дну от налетевшего на нее торнадо. — Мы спасаемся от акул и попадаем в лапы туземцев. — Нас уводят внутрь страны и отдают в распоряжение короля негров, от злобы которого нас спасает вмешательство его фавориток и прислужниц.

Дня два спустя после нашего прибытия в Сенегал, хозяин другого судна, стоявшего здесь на якоре недалеко от нас, прибыл на наш борт и стал просить нашего капитана одолжить ему наш баркас и несколько человек матросов, чтобы съездить на берег. Наш капитан, бывший старинным приятелем этого господина, согласился оказать ему эту услугу, но так как несчастья со шлюпками и баркасами, переправляющимися через бар, весьма часты вследствие сильного и тяжелого морского прибоя, то на наш баркас были назначены лучшие пловцы всей команды, а командование поручено мне.

Нас было пять гребцов, и я на руле. Едва мы вышли на мелководье, как страшный торнадо³, грозивший уже некоторое время нам издали, вдруг налетел с таким бешенством, какого нельзя себе даже представить ни в какой части света. Мы пытались было повернуть баркас по ветру, чтобы избежать бешеных порывов шквала и не дать ему перевернуть наше судно. Но это принудило нас взять курс на юг вдоль береговой линии. Долгое время нам удавалось уберечь баркас от крушения, и мы уже надеялись, что нам удалось преодолеть непогоду, как вдруг, когда мы очутились на мелком месте, среди косматых бурунов, нас нагнал громадный вал, захлестнул баркас по самые края и в одно мгновение потопил его.

Единственным спасением было добраться до берега вплавь, но расстояние, отделявшее нас от земли, было порядочное, и на всем протяжении пенились гребни непрерывных бурунов. Но главнейшая опасность грозила нам не от бурунов, а от бесчисленного множества акул, которыми изобилуют эти места, и которые известны здесь чрезвычайной прожорливостью. Едва только наш баркас пошел ко дну, и мы все очутились в воде, как один из наших людей вскрикнул, схваченный акулой, и был мгновенно разорван ими на куски. Его кровь окрасила кругом всю воду, и это обстоятельство, привлечшее внимание всех остальных акул, вероятно, спасло нас.

Я никогда в жизни не забуду того ужасного чувства, какое испытывал все время, пока, напрягая все свои силы, плыл к берегу, ожидая ежеминутно, что одно из этих страшных чудовищ оторвет у меня руку или ногу. Если я случайно задевал одной ногой о другую, во мне мгновенно холодела кровь от ожидания страшного укуса акулы. Преследуемые этим убийственным страхом, мы плыли, невзирая на буруны и поминутно нагонявшие нас валы, к берегу, ища там спасения от акул. Грозный прибой то подхватывал нас, как щепки, и швырял далеко вперед, то отгонял обратно в море, кидая из стороны в сторону. Чтобы избежать ударов волн, мы ныряли под воду и, вынырнув, как только вал перекатится через нас, плыли дальше, напрягая все свои силы. Наконец совершенно измученные и выбившиеся из сил мы выбрались на берег. Но — увы! — это не было еще концом наших мучений.

Берег оказался песчаный, и этот наносный песок был до того легок и сыпуч, что когда мы ступали на него, то уходили в него чуть не по колена, но он тотчас же рассыпался, и набежавшая волна прибоя смывала нас обратно в море. Мы снова и снова старались выбраться на берег, но наши ноги не находили точки опоры. Наконец негры, бывшие свидетелями нашего крушения, целой толпой прибежали на берег, и когда море выкинуло нас на песок, изловили нас и оттащили на пригорок, где нас не могло смыть прибоем. Совершенно выбившись из сил, мы лежали неподвижно на песке, выжидая уготованной нам нашими спасителями участи. Прежде

³ Род свирепого шквала.

всего эти негры стащили с нас все, что было на нас, до последней нитки, а когда один из наших матросов попробовал запротестовать, то негр без дальнейших разговоров всадил ему острие своего копья в бедро.

Поделив между собой наши одежды, они после непродолжительного совещания связали нам руки и, окружив нас плотным кольцом хорошо вооруженных копьями и стрелами рослых людей, повели куда-то внутрь страны. Мы тронулись в путь с весьма невеселыми предчувствиями и мысленно прощаясь навсегда с синими волнами океана, с нашим судном и оставшимися на нем товарищами. Пески были страшно глубоки, а жара стояла положительно нестерпимая. Из-за отсутствия одежды, под палящими лучами полуденного солнца кожа наша трескалась от жары, во многих местах сочилась кровь, мы изнемогали от усталости, но негры заставляли нас идти вперед, подгоняя своими длинными копьями, как только мы замедляли шаг, и угрожали всадить в нас копья при первой попытке остановиться. Мы ждали только наступления ночи, думая, что она принесет нам временное облегчение. Наконец ночь настала. Негры принялись собирать валежник и зажгли костры, чтобы отогнать хищных животных, и затем расположились кольцом вокруг костров, поместив нас в середину. Мы надеялись, что теперь нам можно будет отдохнуть после всех испытанных нами мучений, но оказалось, что ночь была мучительнее дня. На нас обрушились целые тучи moskitov, и укусы их были до того болезненны и ужасны, что мы доходили до бешенства. Так как руки у нас были связаны, то мы не имели даже возможности отогнать их, мы катались по земле как раненые звери, стараясь избавиться от наших жестоких мучителей. Но это привело только к еще худшим результатам. Так как тела наши были почти сплошь покрыты волдырями и пузырями, вызванными припеком солнца, то мы, катаясь по песку, давили эти волдыри, и в открытые раны забирался песок, причиняя нам невероятные мучения, и мы, молившие о наступлении ночи, теперь молили о возвращении дня, а многие молили о смерти.

Когда солнце взошло, мы двинулись дальше, причем наши проводники совершенно не считались с нашим состоянием и продолжали подгонять нас, как накануне. До полудня мы прибыли в какую-то деревню, где наши погонщики подкрепились пищей и питьем, а нам уделили по маленькой горсточке зерна и по чашке воды, после чего мы продолжали свой путь, минуя несколько небольших городов, состоящих, как и вообще все города этой страны, из небольших низких хижин, построенных из тростника, круглых, как шатры или муравейники, и оканчивающихся остроконечной, конусообразной крышей.

Этот день прошел почти так же, как предыдущий. Нас подгоняли колющими, когда мы замедляли шаг, и грозили смертью, когда у нас не хватало сил идти дальше. Но вот снова наступил вечер, и снова зажгли костры. На этот раз костры были громадные и горели гораздо ярче, вероятно, от того, что опасность от хищных зверей была теперь больше, чем в предыдущую ночь; мы теперь слышали их рев и вой, доносившийся со всех сторон, чего накануне не слышали. Но зато и москиты не так сильно мучили нас, и нам удалось хоть сколько-нибудь отдохнуть и подкрепить свои силы сном, впрочем, довольно часто прерываемым. С рассветом мы снова пустились в путь, и, насколько можно было судить по солнцу, в направлении к востоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.